

Учитель из рязанского села о празднике в Константиново

В этом было гудо Есенина

Соб. Рязань. — 1997. — 25 окт. — с. 8

*«С Оки холодный ветер несется,
Едва ладони я отогрел.**Ну где ж над Константиновом солнце
На третье число в октябре?»* —

пел на есенинской земле гость из Рязани Нурислан Ибрагимов.

С солнцем в тот день, когда отмечали сто вторую годовщину со дня рождения поэта, дело действительно обстояло не лучшим образом. Дождь, то хлестал, то моросил, сырой ветер мелкой рябью покрывал лужи, гнал по мокрой земле осенние листья.

*«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать...»*

Сиротливо мокли под дождем развернутые на площади торговые палатки, шипели и не хотели разгораться дрова, на которых должны были готовиться шашлыки для гостей праздника. Гости жалась под навесы, укрывались в торгово-выставочном центре, зданиях музея.

А там было на что посмотреть и что послушать. Гремели песни, звенели частушки, пели приехавшие из разных районов Рязанщины лучшие самодеятельные коллективы: песни о Есенине, песни народные и песни Есенина, ставшие народными.

Официальное открытие праздника все оттягивалось. Ждали главу администрации области В.Н.Любимова. И вот он появился, быстрыми шагами направился к сцене, но был перехвачен женщиной пенсионного возраста. «Ну здравствуй!» — громко сказала она и смачно расцеловала его в обе щеки. Потом начала что-то наставительно выговаривать губернатору, грозя для убедительности пальцем.

Возложив цветы к портрету Сергея Есенина, губернатор обратился в зал с короткой энергичной речью, начав ее со слов «Товарищи, друзья!»

То ли в зале господ не нашлось, то ли всем было лестно ходить в товарищах у губернатора, но возражений не последовало.

«Нам не хватает духовного и нравственного возрождения», — сказал Вячеслав Николаевич. — Надо стряхнуть с себя груз прошлого, чтобы мы не чувствовали себя униженными, обижеными, а были гражданами «шестой части Земли с названием кратким «Русь»!»

Возражать против добрых пожеланий всегда трудно. Поэтому вспоминать, что сегодняшняя Русь претендует на звание шестой части Земли вряд ли способна, как-то не хотелось. А «груз прошлого», который предлагалось стряхнуть, каждый мог определять самостоятельно в соответствии со своими политическими симпатиями.

Что ж, Вячеславу Николаевичу сегодня нелегко. На него нападают и слева, и справа, радостно подхватывают каждое неосторожное слово, смакуют каждое неудачное решение. И показалось мне, что в его манере, в тех быстрых словах, что бросал он в зал, была какая-то отстраненная сосредоточенность, упрямая собранность. Он говорил правильные, хорошо подобранные, но в общем-то дежурные слова, а думал о своем, что было для него сегодня более важным.

Губернатор спустился в зал, а на смену ему поднялись «собраты юбиляра по перу». Они высокими официальными должностями обременены не были, поэтому выражали свои мысли свободнее и понятнее.

Хотя мне показалось, что возможность и способность говорить смело и понятно не всегда означала ясное понимание своих желаний. Проще говоря, авторы звонких фраз и чеканных формулировок порой не имели непротиворечивого представления о том, что же они хотят для страны, для культуры и для себя в частности.

С одной стороны, все охотно жаловались на нынешнее бедственное положение культуры. С другой стороны, прямо говорить добрые слова о достижениях культуры советской в творческих кругах, видимо, не принято. А неременная ирония в ее адрес все еще остается не вышедшим из моды правилом хорошего тона.

Оно, конечно, хорошо бы найти такую власть, чтобы создавала все условия для развития любых мыслимых направлений в искусстве, позволяла бы себя ругать и поучать и признавала гением всякого, на то претендующего.

Да вот только ни одно государство не ставит перед собой задачу развития искусства как таковую. Государственный аппарат этого просто не предназначен. Первоочередными для государства являются задачи управления, задачи политические и экономические. В русле решения этих задач государство использует культуру как идеологическое обеспечение своей политики, как еще один рычаг управления. В зависимости от политических нужд, называемых порой «веяниями времени», искусство показывает то целесообразность изучения иностранного опыта, то неисчерпаемые возможности опоры на собственные силы; славит то мудрость старших, то дерзость

молодых; воспекает преимущества коллективного труда или яркими красками рисует героя-одиночку; романтизирует труд или разбой. А государство прямыми или косвенными методами поддерживает нужные ему направления.

«Сегодня культура стала частным делом каждого человека», — сказал поэт Валентин Устинов. «Правительству наплевать на культуру», — повторил эту же мысль лауреат премии Сергея Есенина Константин Кравцов.

Позволю себе с ними не согласиться. Это ваша культура стала частным делом. Это на вашу культуру правительству наплевать. А что касается индустрии развлечений, а также того, что можно назвать поп-культурой, — для всего этого в результате деятельности правительства созданы весьма и весьма приемлемые условия. Включите телевизор и убедитесь.

победы или поражения тех или иных направлений на общем фоне полнокровной культурной жизни представляются мне мелочью, вполне естественными недомоганиями живого организма. Куда хуже, когда из всех форм искусства остаются самые примитивные, если не сказать — паразитирующие. А остальные влачат столь жалкое существование, что им уже не до борьбы направлений — самому бы выжить.

Сергей Куняев, исследователь творчества Есенина, соавтор — вместе с отцом, Станиславом Куняевым — известной биографической книги о поэте, с большим чувством и напором

Можно сколько угодно браниться и навешивать ярлыки на своих идейных противников, но всерьез нельзя не признать, что и стриптиз, и кабаре-дует «Академия», и самые безголосые певички с самыми длинными ногами выполняют те же функции, что музыка Бетховена, оперы Чайковского и пьесы Шекспира. Они удовлетворяют культурные запросы населения. Другой вопрос — на каком уровне?

Рассказывают, что некогда к Сократу, который беседовал со своими учениками, подошла известная афинская гетера. Постояла, послушала и сказала: «А знаешь ли ты, что я могу увести любого из твоих учеников?» — «Знаю и не удивляюсь», — ответил философ. — Потому что катиться вниз легко, а карабкаться вверх — трудно».

Суть в том, что социально-экономические условия определенного общественного строя формируют культуру, отвечающую его потребностям. Условия бытия создают благоприятные условия для одной культуры и подавляют другую.

Один общественный строй увлекает человека к поэзии, другой — на «Поле чудес». Были времена, когда престижно было ходить на вечера поэзии; настали времена, когда престижно ходить на стриптиз. Тогда было модно, чтобы на полках стояли книги стихов, сейчас... Но не будем об этом.

Можно сколько угодно твердить о бездуховности советского строя, о тоталитарном характере советского искусства, но **престижность** духовности, **мода** на духовность (при всей внутренней несовместимости понятия моды в общепринятом значении этого слова и духовности) не могут быть введены никакими государственными усилиями, но должны отражать самые глубокие социально-психологические процессы.

А если вернуться, кстати, к вопросу взаимоотношений культуры и государственного аппарата, то он, вне зависимости от социального строя, всегда находится с культурой не идущих. Ибо управленческий аппарат всегда стремится к унификации управляемых объектов — не из злобности, а ради управляемости; а искусство всегда стоит на остро индивидуальном восприятии мира.

Добавлю, что, по моему убеждению, вся эта возня с признаниями и непризнаниями, самодурство чиновников от культуры и зажавшихся славою мэтров от культуры, взаимные склоки, подсиживания, травля, борьба направлений с использованием дозволенных и недопозволенных, явных и тайных приемов и методов — все это было, есть и будет и характеризует скорее морально-этический уровень деятелей искусства, чем государственный строй.

Поэтому мелкие и крупные неприятности талантливых и не очень людей искусства,

прочитал известное стихотворение Есенина из цикла «Москва кабацкая». Строки Есенина, сказал он, вдруг обнаруживают новую глубину, неожиданные стороны.

Грозно звучали в устах исполнителя строки о тех, кто был обманут Октябрем и теперь точил нож, проводя время в кабаке под музыку «гармониста с провалившимся носом». Интонации подчеркивали исконную, неодолимую силу этого «кабацкого братства»:

*«Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гниль да дана!
Ты, Россия моя... Рас... сей...
Азиатская сторона!»*

Видимо, своим открытием Сергей Куняев считал найденные им в этом стихотворении симпатии Есенина к противникам Советской власти.

Помилуйте, но стихотворение-то хрестоматийное (хотя прочитан был не самый распространенный вариант произведения); антисоветчины в нем не находили даже бдительные цеховские цензоры. Пишет в нем поэт о тех, которых называют люмпенами. Ими можно поэтически восхищаться, но... С таким же успехом в песне о бригадире, поднимающей паруса в «Флибустьерском дальнем синем море», можно искать призыв идти в пираты.

Как же хочется нам решение своих сегодняшних проблем переложить на своих предшественников! Как неудержимо в нас желание указать пальцем на кумира и возгласить: «он все знал! он все предвидел! обратимся же к Его мудрости!»

И вроде легче стало. Сняли с себя ответственность. После этого неизбежно начинается мистика и писание имен существительных с большой буквы: Поэт, Предназначение, Путь, Храм...

Как и положено на юбилеях, в честь юбиляра читали стихи и произносили речи. Вот некоторые мысли, показавшиеся мне наиболее интересными.

Егор Исаев: «Я считаю, что есть три настоящих народных поэта, не «отлитературных», а идущих от самого народного сердца, от темперамента. Это Бернс, Кольцов и Есенин».

Станислав Куняев: «Пушкина больше читают, а Есенина больше любят. Пушкин для нас — все, наше прошлое, а Есенин — наш современник». И далее Станислав Николаевич сказал об особой актуальности сегодня есенинской заботы «чтоб не сгибалась в хрипе судьба крестьян».

Александр Потапов:

*«Но русским немислимо стать —
Им надобно просто родиться».*

Любопытная мысль. Особенно, если вспомнить, что титаны отечественной куль-

туры порой ведут свой род если не от эфиопа, то по крайней мере от шотландца. Что же касается вклада в русскую культуру той самой нации, которую в смутные годы непременно призывают бить, чтобы спасти Россию, то... Возьмите почти наугад песню, по праву ставшую народной, и обратите внимание, что написал ее если не Исаковский, то Долматовский, если не Блантер, то Фельцман или Дунаевский, а спел ее или Бернес, или Кобзон, или, на худой конец, Леонид Иосифович, известный под фамилией Утесов.

Князь Петр Багратион жаловался государю императору Александру Павловичу, по крови немцу по крайней мере на три четверти, что, мол, нас русских, немцы затирают. Чистокровная немка Екатерина Вторая не без оснований считала себя русской императрицей. Иосиф Джугашвили, по воспоминаниям современников, всегда говорил «мы, русские...»

Я же согласен с тем мнением, что особенность русской нации как раз в том, что до сих пор она вполне безболезненно перемалывала себе на пользу разнообразные иноземные влияния, не меняя своей сути. На Севере русский носил малицу, на Кавказе — черкеску, щедро делился своей культурой, спокойно заимствовал из чужой — и оставался русским. Слово «казак», для всего мира символизирующее славу России, имеет тюркский корень. И, кстати, один из самых удачных, на мой взгляд, циклов песен на казачьи темы был написан «казак» Ерусалимской станицы, как говорят на Дону, Александром Розенбаумом.

Но это все — частности. Главным впечатлением, вынесенным с праздника, осталась глубокая связь всего происходящего с лучшими движениями народной души. И, видимо, такое впечатление сложилось не только у меня. «В наши дни много казачьего», — говорил Е.А.Исаев, — аплодисменты, цветы, слава. Но сегодняшний праздник идет от самого сердца».

«Сегодня культура под прессом», — сказал В.А.Устинов. — Она стала частным делом каждого человека. Но творческий заряд народа так высок, что и сегодня люди продолжают писать прекрасные профессиональные стихи. Даже перестройка, начавшаяся более десяти лет назад, не смогла уничтожить это творчество».

Что заставило собраться в этот день в Константиново прекрасные самодеятельные коллективы со всей Рязанщины и петь; петь, стоя на террасе под навесом, едва укрывающем от дождя; петь порой для двух-трех слушателей, спрятавшихся под зонтиками; петь в тесном вестибюле; петь в торговом зале, где люди бродят вдоль прилавков?..

Я разговаривал с гостями из Шиловского района. «Мы даже на фестиваль «Приокские зори» в Рязань не поехали, а к Есенину — нашли денег и приехали. И глава администрации помог», — сказали они.

Вот так собрались в этот дождливый октябрьский день в село Константиново артисты в сценических костюмах, дорогих и не очень, поэты в потертых свитерах, признанные и безвестные, и просто поклонники и почитатели таланта Сергея Есенина и талантов своего русского народа. Собрались люди талантливые, не потребители — творцы. Порой нелепые, неуклюжие, они преобразались, когда начинали читать или петь. Они умели создавать — стихи, музыку, мысли. Создав, они становились настолько богаты своим творением, что не могли не поделиться им с другими. Скромность, приличие, достаток — все отступало на второй план. Люди, посмотрите, что я могу, послушайте, что я понял! Ведь это же здорово! Порадуемся вместе!

А.БЛИНОВ.

На снимках: на берегу Оки у эстрады с портретом поэта; поют гости из Шиловского района.

Фото автора.